

Три яйца

Приближалось предполагаемое время, и Тао Цю, за исключением ежедневных патрулей, почти не покидал своего убежища. Его тело подсказывало, что яйца вот-вот появятся на свет.

Сбросив охапку дикой травы в яму и убедившись, что несколько раненых жертв ещё живы, он развернулся и полетел обратно в пещеру.

Этих травоядных, низкоуровневых и безобидных существ он поймал во время патрулирования. Они были ранены, а глубокая естественная яма служила им надёжной тюрьмой.

Это был его продовольственный запас. Холодильника у него не было, а в последнее время стояла жара, и даже в прохладном месте туши быстро портились. Поэтому он подготовил два варианта: когда закончится запасённая еда, у него будет живой резерв.

Что до внешних угроз, то он убил нескольких мутировавших монстров, пришедших проверить, жив ли он, и оставил их тела у входа в долину в качестве предупреждения. В последние дни он также усердно патрулировал свои владения, так что в ближайшее время незваных гостей быть не должно.

Это была его первая кладка, и он должен был предусмотреть все возможные трудности. В этом опасном мире малейшая ошибка могла стоить жизни.

Вечером, перед сном, Тао Цю отправился искупаться в пруду на дне долины.

Последние дни светило яркое солнце, и вода была не слишком холодной. Плавучесть воды поддерживала его живот, принося облегчение, поэтому в последнее время он полюбил это место.

Даже в человеческом облике его живот был не слишком большим, по крайней мере, не таким, как у женщин на поздних сроках беременности, которых он помнил из прошлой жизни. Иначе за эти дни патрулирования и охоты другие мутировавшие монстры давно бы заметили неладное.

Вероятно, потому, что он вынашивал яйца, и они были невелики.

Но внезапная «полнота» всё равно была для него в тягость, не только физически, но и морально. Одно дело — просто набрать вес, и совсем другое — носить в себе новую жизнь. С тех пор как он узнал о своей беременности, он стал гораздо осторожнее в движениях.

Приняв ванну, Тао Цю вернулся в пещеру, расслабленно устроился в травяном гнезде и, закрыв глаза, быстро уснул.

Этой ночью ему снова приснились три птенца. Все трое взволнованно щебетали, обращаясь к нему.

Тао Цю стало немного шумно, и он уже хотел было их успокоить, как вдруг живот пронзила острая боль. Он проснулся.

Яркий лунный свет проникал в пещеру, не давая ей погрузиться в кромешную тьму.

Он почувствовал, как живот тянет вниз. Это была незнакомая, чуждая ему боль.

На лбу выступил холодный пот. Тао Цю стиснул зубы, его взгляд был полон решимости.

Неважно что, он должен выжить!

В долине было тихо. Пещера была глубокой, и Тао Цю не кричал от боли, лишь изредка, когда становилось совсем невмоготу, тихо ругался. Поэтому, кроме него самого, никто не знал, что происходит внутри.

Возможно, так было устроено его тело, а может, ему сопутствовала удача, но, несмотря на сильную боль, процесс занял меньше времени, чем он ожидал.

За три часа луна на небе сменила своё положение, а Тао Цю в пещере закончил кладку.

Подробности он вспоминать не хотел. Усталость не позволяла ему думать о чём-то ещё. Инстинктивно приняв птичий облик, наиболее подходящий для согревания, он укрыл три ещё мягких яйца под своим животом и снова погрузился в сон.

Он решил рожать в человеческом облике, потому что так было удобнее действовать в случае непредвиденных обстоятельств.

Ночь прошла без сновидений. Лишь к вечеру следующего дня, восстановив силы, Тао Цю медленно проснулся.

Скорлупа трёх яиц в гнезде уже затвердела. Каждое было размером с его человеческую ладонь. Неудивительно, что прошлой ночью ему пришлось так нелегко.

К счастью, у него была сверхъестественная способность к регенерации, иначе он бы сейчас и встать не смог.

Опустив взгляд на яйца, Тао Цю снова оказался перед выбором.

Высиживать их или оставить на произвол судьбы?

Период жара и инстинкт размножения были вызваны предчувствием смерти — это был биологический механизм, а не его собственное желание. Ни в прошлой, ни в нынешней жизни он не хотел иметь детей.

Он думал, что после периода жара сможет спокойно прожить ещё несколько лет, продлевая свою жизнь с помощью выращенных им плодов, но не ожидал такого поворота.

Тао Цю протянул палец и коснулся среднего яйца, со вздохом пробормотав:

— Что же мне с вами делать?

Он не ел уже целый день, и живот громко заурчал. Отложив решение на потом, он принялся за еду, заготовленную заранее.

Насытившись, Тао Цю привёл гнездо в порядок, выбросив грязную траву и постелив свежую.

Закончив с уборкой, он унёс три яйца на дно долины, чтобы искупаться.

Когда он вернулся в пещеру, уже стемнело. Он всё ещё не решил, становиться ли ему отцом-одиночкой.

Но, пока он колебался, он всё равно бережно укрывал яйца тёплым пухом, не в силах бросить их.

Размышляя о том, стоит ли ему растить трёх птенцов, Тао Цю невольно думал о себе.

В прошлой жизни его родители занимались бизнесом, и его воспитывали дедушка с бабушкой. Он был из тех детей, что видят родителей только на Новый год, поэтому особой близости с ними не чувствовал.

Когда он учился в начальной школе, дедушка умер от тяжёлой болезни. Бабушка была уже в возрасте, часто болела, и, хотя она и любила внука, заботиться о нём ей было тяжело.

К счастью, бизнес родителей пошёл в гору, и они забрали бабушку и Тао Цю в город. Он продолжал учиться, а бабушка жила на попечении.

Поначалу всё было хорошо. Хотя родители, как и прежде, не уделяли ему времени, благодаря

бабушке он не чувствовал себя обделённым любовью.

Но когда Тао Цю пошёл в среднюю школу, бабушка умерла от старческих болезней.

Оставшись без её защиты, Тао Цю столкнулся с холодностью родителей. Только тогда он узнал, что они давно разлюбили друг друга, у каждого была своя жизнь, и не разводились они лишь из-за общих деловых интересов и боязни пересудов.

В молодости они были образцовой парой, вместе начавшей с нуля и добившейся успеха, чем вызывали всеобщее восхищение. Поэтому они предпочитали поддерживать видимость брака, лишь бы не стать посмешищем.

Они родили Тао Цю, когда любили друг друга, и возненавидели его, когда их чувства угасли. Словно назло друг другу, они не дарили ему ни капли тепла.

К счастью, они были людьми, заботящимися о своей репутации, и, боясь осуждения, не обделяли его материально.

Отношение Тао Цю к родителям прошло путь от надежды к разочарованию. Он вырос в одиночестве, и в тот роковой день, под звуки их ссоры, он навсегда закрыл глаза.

В этой жизни его отношения с птичьими родителями тоже были прохладными. Они произвели его на свет, следуя инстинкту размножения, и заботились о нём до тех пор, пока он не покинул гнездо. В этом была ответственность, но не было любви.

Судьба распорядилась так, что за две жизни он так и не познал родительской нежности.

Материально Тао Цю был уверен, что сможет вырастить трёх птенцов. Но в эмоциональном плане он не был так уверен. Беременность была незапланированной, и, не зная родительской любви, он не был уверен, что сможет полюбить своих детей.

Дети, чьё появление не было желанным, да ещё и с неопытным отцом. Если они вылупятся, будет ли это для них счастьем или горем?

— Эх, вот бы вы сейчас могли говорить, — пробормотал он. — Сами бы и решили, жить вам или умереть. Избавили бы меня от мук выбора.

Он винил себя в нерешительности. Хотелось высидеть, но он боялся, что они повторят его судьбу. Хотелось бросить, но не хватало жестокости.

— Вот был бы здесь ваш второй папа, хоть было бы с кем посоветоваться.

При мысли о том человеке воспоминания о той ночи снова нахлынули, и Тао Цю злорадно подумал, что, хотя он и принудил его, ощущения были довольно приятными.

Кажется, насильно мил всё-таки будешь.

— Интересно, какое у него будет лицо, если он узнает, что я съёл ему три яйца? — усмехнулся он.

Шок, смущение или ярость и ненависть?

Хотя Тао Цю иногда и пренебрегал моралью, он всё же понимал, что обычный человек, которого сначала принудила птица, а потом он внезапно стал отцом трёх птенцов, вряд ли обрадуется такому повороту.

Заставить его радоваться такому было бы труднее, чем достать луну с неба.

На базе, вернувшись в свою комнату после ночной тренировки, Лоу Юй чихнул. Он подумал, что это от ночного ветерка, и не придавал этому значения. Проходившая мимо Хо Лань усмехнулась.

— Это кто же вспоминает нашего капитана? Уж не тайный ли поклонник?

Лю Циань, любитель подлить масла в огонь, тут же подхватил:

— Капитан у нас на базе популярен, желающих залезть к нему в постель, и мужчин, и женщин, хватает.

Возможно, из-за суровых условий жизни в мире Пустошей, где смерть могла настичь в любой момент, отношение к сексу и любви было довольно свободным, и даже откровенные разговоры на эту тему никого не смущали.

— Жаль только, что наш капитан в любви не заинтересован, — со смехом добавил Лю Циань. — Столько лет, а всё ещё девственник. Интересно, кто же сможет растопить его сердце?

Лоу Юй, вспомнив ту безумную ночь, не стал его поправлять, а лишь отшутился:

— Вспоминать меня могут не только поклонники, но и те, кто желает мне смерти. Например, наши «друзья».

— Что ж, надеюсь, их желания никогда не сбудутся, — с отвращением сказала Хо Лань.

Лю Циань согласно кивнул.

Ночь сгущалась. Большинство обитателей базы уже спали.

Лоу Юй закрыл книгу, которую читал, и положил её на тумбочку. Затем он достал из-под подушки длинную деревянную шкатулку и открыл её.

На дне, на красном бархате, лежало одно-единственное белоснежное птичье перо.

Лоу Юй подобрал его и хранил уже больше двух месяцев. Об этом не знал никто, кроме него.

Кому принадлежало это перо, было очевидно.

Это было пуховое перо, не такое жёсткое, как маховые, что были прочнее стали. Оно было таким же, как и сама Снежная птица — под внешней силой скрывалось мягкое сердце.

Он провёл пальцем по его поверхности. Нежное прикосновение взволновало его.

В этот момент он словно снова перенёсся в ту ночь, когда полная луна светила так ярко, что было светло, как днём.

Изящное тело юноши, покрытое кровью, было наполовину скрыто под крыльями. Белоснежные волосы, словно водопад, рассыпались, закрывая лицо, оставляя видимой лишь половину точёного подбородка.

Даже распростёртый на земле, весь в ранах, он не выглядел жалким. Его величественная осанка и грация делали его похожим на возвышенного бога, святого и недостижимого.

Под долгим взглядом Лоу Юя бог, бывший без сознания, наконец, очнулся. Он медленно поднял голову и приоткрыл веки.

Бледно-зелёные глаза, чистые, как весенний ручей, и затуманенные растерянностью, без предупреждения встретились с его взглядом.